

мучила, умерщвляла токмо за то», что человек с папою был не согласен, его законы, уставы называл человеческими, а «не божескими» [7, с. 76].

Заключение. Внутренняя форма историографических источников клерикально-охранительного направления являлась синтезом официальной позиции церкви, предопределявшей узость предмета исследования, схоластический метод сравнения формальных обрядовых различий, обличения «инакомыслящих». Схоластическая оценка раскола как явления религиозного сознания и развивающегося бытового уклада не могла объяснить природу этого явления и способствовать его искоренению.

Официальное направление в историографии раскола, которое заложил В.Н. Татищев, формировалось на иных теоретико-методологических принципах. Внутреннюю форму историографических источников, вышедших из-под пера историка, определял приоритет разума, ориентированного на осуществление реформ Петра I, – рационализм, монархизм, просветительство. Предмет раскола Русской православной церкви виделся автору как событие в свете «разных» церковных смут в отечестве. Он порождал цель исследования – определение места старообрядчества в ряду антигосударственных явлений, продуцировал сравнительно-исторический метод, который выводил историю старообрядчества за рамки чистой схоластики на «светский» уровень, за пределы истории русской церкви. В узком смысле историк разделял позицию церкви, видел причины раскола в «невежестве» его носителей, но судил старообрядцев с позиции «писма святого», веры, а не схоластики, обряда [7, с. 81].

1. Курносов, А. А. К вопросу о природе и значении понятия «разновидность исторических источников» / А. А. Курносов // Проблемы источниковедения и историографии истории Восточной Сибири : тез. докл. к регион. конф. 15–16 апр. 1982 г. / Иркутский государственный университет; редкол.: И. И. Кузнецов, А. С. Маджаров, Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт [и др.]. – Иркутск : ИГУ, 1982. – С. 9–13.

2. Маджаров, А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX веков (постановка проблемы) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 57–63.

3. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства / Макарий. – СПб. : Тип. Королева и комп, 1855. – 376 с.

4. Муравьев, А. Н. Раскол, обличаемый своей историей / А. Н. Муравьев. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. – 429 с.

5. Соловьев, С. М. Писатели русской истории. Василий Никитич Татищев / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. – М. : Мысль, 1995. – Кн. XVI : Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – С. 199–221.

6. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 томах / В. Н. Татищев. – М. : Академический проект, 2016. – Т. 1. – 676 с.

7. Татищев, В. Н. «Разговор дву[х] приятелей о пользе науки и училищах» / В. Н. Татищев // Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 51–133.

8. Филарет. История русской церкви / Филарет. – Харьков : Университетская типография, 1853. – 326 с.

Комаров С.С.

ВОСПРИЯТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬСКИМИ ИСТОРИКАМИ КОНЦА XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: историография, историческая память, имагология, Польша, польская историография.

Процесс формирования национальной идентичности всегда включает в себя два взаимодополняющих друг друга процесса. Первый – это осознание группой людей себя как общности, объединённой некоторыми уникальными признаками («национальным характером»). Второй процесс – это обособление себя от «другого». По замечанию Л.П. Репиной, в образе «другого» всегда проявляются черты собственной коллективной психологии. Иными словами, на «другого» экстраполируются собственные ценности, идеи и страхи [2, с. 13].

Справедливо это и для польского национального нарратива, одним из главных элементов которого было и остаётся сравнение себя с восточными соседями. Несмотря на интеграцию в пространство Речи Посполитой, восточнославянские земли Великого княжества Литовского сохранили свой уникальный культурно-исторический облик. Эта одновременная близость и далёкость сделала их в польском нарративе постоянным объектом сопоставления в Польшей. Тем самым, для исследователя польского национального нарратива образ восточнославянских земель может служить «зеркалом», в котором отражаются все присущие самим полякам черты.

Одним из источников формирования национального нарратива служит национальная историография, которая начала формироваться в Польше на рубеже XVIII–XIX вв. Её дальнейшая эволюция отражает не только развитие системы собственно научного исторического знания, но и изменение общественного восприятия прошлого. Соответственно, от рассмотрения эволюции образа Руси в польской историографии мы сможем перейти на более высокий уровень обобщения, выйти на проблему восприятия поляками себя в круге европейских стран.

Следует также сказать несколько слов о той границе, что разделяет рассматриваемую в работе историографию и предшествующую традицию историописания. Конечно, невозможно игнорировать такие основополагающие для польской истории труды, как сочинения Яна Длугоша или Мацея Стрыйковского. Однако эти работы скорее можно отнести к средневековой и ренессансной хронистике, к донаучному этапу развития знаний о прошлом, и потому их следует рассматривать как самостоятельный объект для изучения.

Переход от мифологизированного средневекового взгляда на историю к паранаучной системе мышления в польском историописании связан с фигурой Адама Станислава Нарушевича (1733–1796). Будущий историограф родился в Пинске и был выходцем из белорусской католической шляхты. Он окончил иезуитский коллегиум в родном Пинске, затем учился в Виленской академии Общества Иезуитов, а завершил образование во французском Лионе [3, с. 91–92]. Приобретая известность в образованных кругах Речи Посполитой, Адам Нарушевич приглянулся Станиславу Понятовскому. Понятовский осознавал, что деградирующей Речи Посполитой необходим современный исторический труд, который помог бы консолидировать общество вокруг просвещённого короля-реформатора. Нарушевич должен был стать исполнителем королевского замысла.

Шеститомная «История народа польского» охватывала историю Польши с момента принятия христианства до заключения Кревской унии. Выбор эпохи Пястов в качестве основной темы сочинения неслучаен: образы правления сильных лидеров, таких как Болеслав I Храбрый и Казимир III Великий демонстрировали читателю, каких успехов может достичь крепкая королевская власть.

«История» Нарушевича задумывалась именно как польская история, а не история народов Речи Посполитой. В отношении восточных земель Нарушевич воспроизводит те нарративы, что были им почерпнуты из работ Яна Длугоша [3, с. 93]. Нарушевич описывает всю Русь как территорию, со времён Болеслава Храброго находившуюся в сфере польского влияния [8, с. 48–49]. Автор отдельно останавливается на западнославянском происхождении вятичей и радимичей, обосновывая тем самым их историческую связь с Польшей [7, с. 193–194]. Конфликты между русскими и польскими князьями в этой парадигме рассматриваются как восстания против законного сюзерена. Экспансия Польши на восточнославянские земли в XIII–XIV вв. оценивается Нарушевичем как освободительный поход против вторгшейся в славянские земли Литвы: «...тогда как литовцы шли с мечом Гедимина на завоевание этих земель, поляки вспоминали победы Болеславовы, и избрание Тройдена, и времена

правления Короны над землями Руси» [4, с. 23]. В условиях Разделов труд Нарушевича превратился в манифест национального движения. Последующие поколения польских историков и общественных деятелей черпали у Нарушевича образы прошлого, превращая их в актуальные политические идеологемы.

Одной из самых ярких фигур польской интеллектуальной жизни первой половины XIX в. был Иоахим Лелевель (1786–1861). Большую часть жизни Лелевель посвятил политике: в юности был участником студенческих подпольных организаций, во время Ноябрьского восстания 1831 г. входил в состав Административного совета Адама Чарторыйского, затем был вынужден покинуть страну.

Однако главной страстью Лелевеля была история. Большое впечатление на публику производили красочные лекции Лелевеля в Виленском университете; так, одним из его постоянных слушателей был Адам Мицкевич [1, с. 32]. Красной линией через исторические сочинения Лелевеля проходит демократическая идея. Лелевель был глубоко убеждён, что полякам и славянам вообще от природы присущи народовластие и эгалитаризм, а также миролюбие и открытость [1, с. 140]. Возможно, именно поэтому Лелевель отходит от присущего Нарушевичу и его предшественникам «колонизаторского» дискурса. Он рассматривает Русь как обширное и самостоятельное государство, центрами которого в древности были, прежде всего, Новгород и Полоцк [6, с. 16–17]. Галицко-Волынскую землю Лелевель представляет как самостоятельную линию развития древнерусской государственной традиции, которая впоследствии была поглощена Польшей [6, с. 54–55, 62–63].

Великое Княжество Литовское в работах Лелевеля представлено как равноправный партнёр Польши. Автор позитивно оценивает опыт польско-литовской унии, пишет о наделении литовской и русской знати шляхетскими вольностями [6, с. 81–82, 96], также акцентирует внимание читателя на роли Великого княжества Литовского в победе на Грюнвальдском поле [6, с. 85–86]. Кревскую унию Лелевель называл «редким в истории явлением слияния двух народов» [5, с. 254]. Он также указывал на противоречивость, нелинейность процесса сближения двух государств. При этом Лелевель не отрицал и экспансионистских устремлений польской аристократии в отношении территорий Великого княжества Литовского [5, с. 277–279]. Тем самым Иоахим Лелевель стал зачинателем новой демократической традиции в польской историографии.

Во второй половине XIX в. самым читаемым у широкой публики польским историком стал Кароль Шайноха (1818–1868). Не окончив университета (сказалось участие в революционных организациях), Шайноха компенсировал пробелы в образовании образностью и красочностью изложения. В этом качестве Шайноха вошёл в историю польского историописания как автор, значительно повлиявший на массовые представления об истории.

На страницах самой известной работы Шайнохи «Ядвига и Ягайло» история отношений Польши и Литвы изложена в логике освоения Цивилизацией дикого Фронта [4, с. 255]. Великое Княжество Литовское до унии с Польшей Шайноха описывает как деспотическую варварскую державу, где подданные являются лишь безропотными исполнителями воли господ. Такой порядок Шайноха называет «ориентальным» [9, с. 267], а военные действия крестоносцев против Литвы сравнивает с борьбой колонистов с североамериканскими индейцами [9, с. 287–288]. О западнодревнерусском (старобелорусском) населении Великого княжества Литовского Шайноха почти не упоминает, сводя всю историю этого государства к истории дома Гедиминовичей. Столь красочный, но совершенно фантастический образ Великого княжества Литовского хорошо вписывается в «колонизаторскую» логику Шайнохи, однако с историей имеет мало общего. С другой стороны, в отличие от Нарушевича

Шайноха наделяет Литву своеобразной субъектностью, изображает её полноценным актором исторического процесса. В этом отношении можно говорить о некоторой эволюции образа, наделении его новыми, яркими чертами.

Одним из крупнейших польских историков второй половины XIX в. был ректор Ягеллонского университета Юзеф Шуйский (1835–1883). Природный Рюрикович, Шуйский стал главным идеологом польского проавстрийского консерватизма. Его политические взгляды нашли отражение в «Истории Польши, рассказанной в двенадцати книгах». В отличие от Лелевеля или Шайнохи, Шуйский был далёк от идеализации эпохи Пястов или тем более Ягеллонов. Развитие Польши Шуйский считал запоздалым и вообще вторичным относительно истории германских соседей [10, с. 3–7]. Соответственно, к востоку от Польши ситуация обстояла, по мнению Шуйского, хуже – туда западноевропейская цивилизация пришла ещё позже [10, с. 83–84]. С другой стороны, Шуйский в своих построениях не ограничился поверхностными замечаниями: он стал одним из первых польских историков, кто рассматривал историю Великого княжества Литовского как самостоятельную исследовательскую проблему. Шуйский указывал на противоречивость последствий Кревской унии для восточнославянских земель – как для населения, так и для развития собственных государственных институтов в регионе [10, с. 111].

На протяжении XIX в. образ восточнославянских земель в работах польских историков претерпел заметную трансформацию. В трудах Нарушевича восточнославянские земли лишены всякой субъектности – они рассматриваются исключительно как якобы законная часть владений Пястов, иногда восстающая против сюзерена. Лелевель предлагает совершенно другую трактовку: для него важно демократическое начало славянства, на котором, по его мнению, и была основана польско-литовская уния. Романтическая линия в польской историографии в лице Кароля Шайнохи осмысляла восточных соседей в ориентальном духе, варваризировала их образ. В работах Юзефа Шуйского представлен цельный, самодостаточный образ Великого княжества Литовского, где есть место и Литве, и древнерусскому наследию. Шуйский критически смотрит на польско-литовскую унию, указывая на противоречивый характер её последствий. Таким образом, к концу XIX в. в польской историографии образ восточнославянских земель приобретает самодостаточность, хотя и не становится объективным.

1. Басевич, А. М. Иоахим Лелевель – польский революционер, демократ, ученый (1786–1861) / А. М. Басевич. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 192 с.

2. Репина, Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» / Л. П. Репина. // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39.: Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. – С. 9–19.

3. Карнаухов, Д. В. Идея Руси в польской историографии: преемственность нарративов от Длугоша до Нарушевича / Д. В. Карнаухов, В. А. Спесивцева // Русин. – 2023. – № 73. – С. 85–100.

4. Błachowska, K. Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2018. – 410 s.

5. Lelewel, J. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. XIII. Historia polski do końca panowania Stefana Batorego / J. Lelewel. – Poznań : wydanie J. K. Żupańskiego, 1863. – 680 s.

6. Lelewel, J. Stryj synowcom swoim opowiedział / J. Lelewel. – Wrocław : nakładem Z. Schlettera, 1849. – 206 s.

7. Naruszewicz, A. S. Historia narodu polskiego. T. II / A. S. Naruszewicz. – Lipsk : Breitkopf & Haertel, 1836. – 212 s.

8. Naruszewicz, A. S. Historia narodu polskiego. T. IV / A. S. Naruszewicz. – Lipsk : Breitkopf & Haertel, 1836. – 272 s.

9. Szajnocha, K. Jadwiga i Jagiełło, 1374–1413: opowiadanie historyczne. T. I / K. Szajnocha. – Lwów : nakładem autora, 1861. – 386 s.

10. Szujski, J. Historii polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście / J. Szujski. – Warszawa : drukarnia J. Bergera, 1880. – 429 s.